

Тетю Сун изначально звали Хуан Сян, но после того как ее продали в дом Сун, она сменила фамилию на хозяйскую и с тех пор стала зваться Сун Сян. Сун Сян сначала не хотела приходить. Сердце ее к родному брату и его жене давно остыло, да и их манеру льстить сильным, топтать слабых, заискивать перед верхами и презирать низы она тоже презирала.

Причина, по которой она сегодня всё же пришла, была в том, что старая женщина, когда-то приведшая ее в дом Сун, уговорила ее. Тем, кто продал себя в рабство, больше всего страшно было на старости лет остаться без опоры; не стоит ждать, что в беде кто-то протянет руку, достаточно лишь выпросить какого-нибудь нелюбимого сына или дочь и записать на свое имя - тогда в будущем уже можно будет не тревожиться.

Сун Сян, подумав, сочла, что в этих словах есть доля смысла. Снова выходить замуж она не желала, но и оставаться без детей у колен тоже было нельзя, поэтому у нее появилось желание наладить родственные связи. Она не требовала мальчика, да и мальчиков особенно не любила. Если удастся получить милую маленькую девочку, она уже будет довольна.

С такими мыслями она с улыбкой вошла во двор семьи Гэ. Хотя ей было непонятно, почему ее сестра, всегда считавшая себя выше других, нашла дочери деревенского зятя и даже пир в честь первого месяца младшего внука устроила в деревне, Сун Сян не любила докапываться и потому ничего не расспрашивала. Она лишь передала принесенный маленький серебряный браслет мужу племянницы и с улыбкой села вместе с ним.

Проводив Сун Сян на место, Гэ Лян поспешно вошел в дом позвать мать Юань. Когда он вышел вместе с ней, его жена уже сидела рядом с Сун Сян и горячо с ней беседовала.

— Тетушка, я так рада, что ты смогла прийти. Только неудачно получилось: на этот раз пир устраивается у моего свекра, а деревенский повар не сравнится с уездным, так что тебе придется потерпеть неудобство.

На лице Сун Сян висела сдержанная, ровная улыбка.

— Уездная еда уже приелась. Сменить вкус тоже неплохо.

— Тетушка права, но деревенский повар всё же не годится. Я только что ходила на задний двор и всё видела. Тот повар...

Юань-нян не успела договорить, как мать Юань легонько коснулась ее руки и прервала.

Юань-нян с сомнением посмотрела на мать, не понимая: разве по дороге та не велела ей побольше разговаривать с тетужкой? Почему же теперь снова не дает говорить?

Мать Юань злилась на свою глупую дочь до невозможности. Она велела ей побольше говорить, но не такое же! Ее свекор ведь всё еще здесь, а она вот так унижает это застолье; как после

этого Сун Сян и гости будут смотреть на нее?

— Твоя тетушка права, поесть деревенских маленьких блюд тоже вполне хорошо. Эй, когда будут подавать? Иди посмотри, сколько еще ждать.

Юань-нян поднялась, подталкиваемая матерью, а при тетушке не могла спросить лишнего, поэтому только раздраженно отправилась назад. Добравшись до заднего двора, она посмотрела на Гу Дао и остальных так, будто всё в них было ей не по нраву.

— Люди почти все собрались, можно начинать жарить блюда.

Несколько тетушек недовольно скосили на нее глаза, а Гу Дао и вовсе просто проигнорировал ее, занимаясь своим делом. Юань-нян, увидев, что никто на нее не обращает внимания, от злости топнула ногой. Ей хотелось разразиться бранью, но, помня о тетушке на переднем дворе, она могла лишь сдержать голос и сказать:

— Я говорю, вы что, не слышите? Можно начинать жарить блюда.

На заднем дворе по-прежнему стояла тишина. Юань-нян так разозлилась, что закусил губу, и уже думала, как бы проучить этих людей, когда старуха Гэ быстро вбежала внутрь.

— Все собрались, можно жарить блюда.

Гу Дао поспешно отозвался, разом сметая прежнее равнодушие, и, установив большой котел, начал готовиться. Несколько тетушек тоже сразу засуетились, даже невестка Гэ радостно крутилась за Гу Дао; от этой картины у Юань-нян глаза покраснели.

Она яростно встряхнула рукавами.

— Хорошо, посмотрю, что вы сумеете приготовить.

Сказав это, она сердито вернулась на передний двор. Едва сев, Юань-нян захотела как следует высмеять того повара перед тетушкой. Но, увидев, что мать с тетушкой оживленно разговаривают, она так и не нашла возможности вставить слово.

Через некоторое время мать Юань повернулась к ней и спросила:

— Блюда готовы?

Юань-нян выдавила улыбку.

— Уже готовят, сейчас всё будет. Тетушка, подожди немного.

Говоря это, она оглядела главный стол и нарочно удивилась:

— Ой, а почему второй двоюродный дедушка не пришел?

Мать Юань с улыбкой объяснила:

— Боюсь, у него дела, не смог прийти. В последние дни здоровье твоего второго двоюродного дедушки не слишком хорошее. Несколько дней назад мы с твоим отцом уже говорили со стариком: если тело нездорово, пусть не едет специально ради этого. Завтра мы сами возьмем Теданя и пойдем показать его твоему второму двоюродному дедушке. Твой второй двоюродный дедушка всегда тебя любил, наверняка тоже хочет увидеть Теданя.

Юань-нян улыбнулась самодовольно и широко.

— Если говорить об этом, я ведь уже несколько месяцев не видела второго двоюродного дедушку. Завтра обязательно надо навестить старика.

Сун Сян слушала рядом, и в душе ей стало любопытно: что же это за важная персона, этот «второй двоюродный дедушка», о котором говорит мать Юань, раз вся их семья так его ценит? Еще и специально упоминают за праздничным столом, словно именно ей нарочно говорят.

И действительно, она еще не успела спросить, как Юань-нян, будто высыпая бобы, сама выложила всё о своем таинственном втором двоюродном дедушке. Оказалось, этого второго двоюродного дедушку она даже знала: это был известный в уездном городе плотник, старик Юань. Когда дом Сун прежде ремонтировал усадьбу, они приглашали старика Юаня делать мебель, и потому Сун Сян тоже с ним общалась. Мастерство у него действительно было отличное, и человек он был добрый, только непонятно, как ему так не повезло связаться с семьей Юань.

Мать Юань сказала:

— На самом деле я тоже не знала, что твой зять, оказывается, из одной семьи с мастером Юанем. Когда родство только признали, я сама была удивлена.

Упомянутый отец Юань смущенно улыбнулся:

— В ранние годы я слышал от отца, что у меня есть второй двоюродный дядя, который ушел пробиваться во внешний мир, но посередине связь оборвалась. Не ожидал, что в конце концов я его найду.

— Тогда правда поздравляю зятя, — сказала Сун Сян.

Пока они разговаривали, тетушки-помощницы одна за другой понесли блюда на передний двор. Как и на свадебном пиру семьи Гуань, на этот раз для пира в честь первого месяца младенца у семьи Гэ Гу Дао по-прежнему дал каждому блюду праздничное название с добрым благопожеланием и велел тетушкам громко произносить его при подаче.

Жители Люцунь уже видели такое и потому не слишком удивились, а вот пришедшие из уездного города тихо ахнули. Видно было, что они не ожидали: деревенское застолье тоже можно устроить так - даже в уездных ресторанах не было такого оживления.

Когда же гости попробовали блюда, снова раздались возгласы удивления. Пусть это были всего лишь несколько обычных домашних блюд, но выглядели они по-настоящему изящно и красиво. А уж вкус и аромат были просто чудесный. Особенно хороши были «Пестрая сладкая нежность» и «Добавляющая радость закуска жуйи»: первое блюдо было кисло-сладким, с хрустящей корочкой и нежной серединой, второе - с легким онемением, острое, упругое и вкусное. Главное, даже в уездном городе такого вкуса не было.

Движения, с которыми все тянулись палочками к блюдам, сразу стали быстрее, и разговаривать больше никто не стал. На какое-то время во всем маленьком дворе остались только звуки столкновения палочек и пережевывания еды. И лишь когда блюда на столах стали показывать дно, шум снова поднялся.

— Семья Юань, ваши сваты устроили этот пир в честь первого месяца младенца и правда недурно, ничуть не хуже, чем в уездном городе.

— А мне даже кажется, лучше, чем в тот раз у Течжу. Блюд много, вкус тоже отменный.

Когда они пришли, то еще думали, что подаренные деньги за этот пир, боюсь, «отъесть» не удастся, а теперь чувствовали, что эти деньги отдали слишком уж не зря. Пусть они и прибыли из уездного города, но и в городе были обычными простыми людьми. Такой стол для них уже был очень богатым, все наелись до круглых животов.

Сун Сян тоже думала так. Она хоть и не пробовала пир в честь первого месяца старшего внука семьи Юань, но сегодняшнее застолье, по ее мнению, по вкусу было лучше даже того, что готовили семейные повара в доме Сун.

— И правда неплохо.

Старик Гэ, слушая рядом, радостно улыбался и поспешно снова принялся хвастаться, как он мудрым глазом распознал жемчужину и нашел Гу Дао, а потом с какими трудами пригласил его готовить этот пир. И совершенно забыл, как тогда у входа в деревню спорил с людьми, что Гу Дао вообще не умеет готовить.

Старик Гэ был доволен, а вот улыбка Юань-нян рядом застыла. Ей казалось, что похвалы окружающих - это пощечины, одна за другой хлещущие по ее лицу, так что щеки жгло. Как это деревенский пир оказался лучше того уездного пира, который устроила она? Тем более этот деревенский повар еще осмелился смотреть на нее свысока. С чего бы это?

— Вкус приемлемый, только всё это не слишком годится для приличного стола. В уездном городе так никто не ест

Из-за этих слов и без того оживленное застолье вмиг затихло.

Мать Юань, заметив, что обстановка стала не той, поспешила сгладить слова дочери:

— Юань-нян имеет в виду, что деревенское и уездное - вещи разные, у каждого свой особый вкус.

Юань-нян недовольно сказала:

— Матушка, что ты несешь? Эти куриные потроха, дикая зелень и прочее у нас в уездном городе и правда не годятся для приличного стола.

Мать Юань: «...»

И как это она родила такую глупую дочь?

Сун Сян, наблюдая со стороны, едва не рассмеялась. Не ожидала она, что ее сестра и зять, лучше всех умеющие строить из себя достойных людей, родили такую «прямую» дочь. Ей не страшно было, если зрелище станет еще шумнее, и она поддакнула:

— В словах Юань-нян тоже есть доля смысла.

Юань-нян решила, что получила одобрение тетушки, тут же еще больше возгордилась и вздернула подбородок перед матерью.

— Тетушка, ты не ходила на задний двор и даже не знаешь, тот деревенский повар...

Она не успела договорить, как в одном углу двора вдруг раздался хлопок, а следом прозвучал окрик:

— У тебя что ни слово, то «деревенские» да «уездные». А как твоя семья Юань тогда попала в уездный город, ты сама прекрасно знаешь.

Услышав это, лицо Юань-нян сразу изменилось. Сперва она испуганно огляделась по сторонам, а затем, словно кошка, которой наступили на хвост, вся оцетинилась и в два-три шага подошла к говорившему, требовательно спрашивая:

— Ты кто такой? Что за вздор ты тут несешь?

Увидев такую реакцию Юань-нян, все тут же зашептались.

Семья Юань перебралась в уездный город десять лет назад - это знали все знакомые с ними городские люди. Но вот как именно они туда пришли, многим уже было неясно.

Однако все, видя, что у семьи Юань в уездном городе есть такой уважаемый второй двоюродный дедушка, думали: должно быть, они с почетом приехали искать покровительства у родни. Но сегодня, глядя на происходящее, становилось ясно, что внутри, похоже, скрывается совсем иная история. Взгляды окружающих невольно начали метаться туда-сюда между людьми семьи Юань и заговорившим стариком, отчего лица у Юаней то синели, то белели, а выражение Юань-нян менялось еще ярче, чем у актрисы на театральной сцене.

— Что, не смеешь говорить? По-моему, ты нарочно пришел устраивать неприятности.

Видя, что старик всё время стоит к ней спиной и не осмеливается отвечать, Юань-нян сразу набралась храбрости. Она уже собиралась вытащить того старика наружу и как следует разглядеть, из какой он семьи, как он мог знать так много и еще при всех показать ее слабое место.

Но ее рука еще не успела коснуться старика, как тот сам повернулся. Юань-нян, увидев его, в тот же миг застыла, потому что этот старик был не кто иной, как ее второй двоюродный дедушка.

<http://bllate.org/book/17822/1714035>